

Энрико Реммерт

БАЛЛАДА
О МОШЕННИКАХ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Enrico Remmert

LA BALLATA
DELLE CANAGLIE

ОТ РЕДАКЦИИ

ИЗЛОЖЕННЫЕ НИЖЕ РЕАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ
СРАВНИТЕЛЬНО НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ ПОЗВОЛЯЮТ
ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО ПРОТОТИПОМ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ
ЭТОГО РОМАНА – ФРАНКО ГРАССО – ПОСЛУЖИЛ
КРУПНЕЙШИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АМЕРИКАНСКОГО
ФИНАНСОВОГО МИРА РИЧАРД ГРАССО

В сентябре 2003 года на Нью-Йоркской фондовой бирже (NYSE) разразился скандал, связанный с ее председателем Ричардом Грассо. Целесообразность дальнейшего пребывания 57-летнего Грассо во главе ведущей мировой торговой площадки обсуждалась уже давно.

Многих представителей биржи и Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC) возмутил размер премии, которую комитет по вознаграждениям назначил Грассо в конце августа. Она составила 139,5 миллиона долларов – сумма весьма солидная даже для руководителей крупнейших американских корпораций, а если учесть должность Грассо и специфику организации в целом, то вообще запредельная.

Возмущение общественности довольно быстро достигло своей цели. Главе Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC), прежнему руководителю Нью-Йоркской биржи Уильяму Доналдсону, пришлось принять соответствующие меры.

Ранее он неоднократно публично отмечал заслуги Грассо, в частности, называл его «выдающимся менеджером», но теперь был вынужден потребовать подробный отчет о механизме принятия решения о выплате бонусов.

Не менее жестким оказалось совместное послание на имя г-на Грассо основного контролера пенсионного фонда штата Нью-Йорк Алана Хэвиси, главного калифорнийского казначея Фила Анджелидеса и двух крупных пенсионных фондов Калифорнии. От руководителя биржи потребовали немедленной отставки.

– В эпоху корпоративных скандалов мы не вправе мириться с тем, что человек, контролирующий крупнейшую в мире фондовую биржу, получает десятки миллионов долларов в виде вознаграждений от людей, чью деятельность он контролирует. Это конфликт интересов, – заявил г-н Хэвиси.

Совет директоров биржи принял решение «отпустить» Грассо. Сторонников отставки председателя оказалось почти вдвое больше, чем противников: тринадцать против семи.

После чрезвычайного заседания совета директоров биржи Ричард Грассо заявил о намерении подать в отставку, хотя его контракт истекал лишь в 2007 году. Он заявил, что оставляет свой пост «с чувством глубочайшего сожаления». Учитывая стаж его работы, эти слова легко понять. Свою карьеру он начал в 21 год, и для человека, не окончившего даже колледжа, добился немислимых результатов.

Г-на Грассо часто критиковали за то, что он окружал себя людьми, готовыми подчиняться, и назначал на ведущие должности своих друзей. Однако его вклад в развитие американского бизнеса нельзя недооценивать. Ведь именно под руководством г-на Грассо Нью-Йоркской фондовой бирже удалось быстро возобновить торги после трагических событий 11 сентября 2000 года. За время его правления в листинг биржи были включены 1576 новых компаний, 569 из них перешли от NASDAQ Stock Market или American Stock Exchange, и в настоящее время на ней котируются бумаги почти трех тысяч компаний.

Дело в том, что все мы – неудачники, причем с поразительной тенденцией к самоуничтожению.

С. Моэм. Подводя итоги

Все описанное здесь – чистая фантазия. Все персонажи, эпизоды и диалоги вымышлены.

Любое сходство с реальными событиями или людьми совершенно случайно.

Исключение составляют

Джеймс Эддисон Ривис – все, что связано с ним, – часть истории Соединенных Штатов Америки – и

Мартин Френкель – все рассказанное о нем происходило в Америке в 1990-е годы.

Моему отцу

НАЧАЛО

Жаркий воскресный день в начале лета, когда еще нет мух.

Неподвижно стоишь в центре огромного развороченного пустыря между заброшенными промышленными строениями и обветшавшими фабричными зданиями.

Кругом пусто, ни души: насколько хватает глаз, видны лишь стены и цемент, горы строительного мусора, ржавые баки, мятые жестяные банки, сорняки, пластиковые мешки и два автомобильных остова, брошенные в чахлом кустарнике.

Твой взгляд прикован к разбитому ветровому стеклу, отражающему солнце, словно лужа, и вспыхивающему золотом.

Вдруг Мило выглядывает из кабины своего старого синего фургона и нарушает тишину.

– Ну как, идет? – кричит он.

В который уже раз оглядываешь все вокруг, снова желая убедиться, что в радиусе нескольких километров вы с ним единственные живые существа, потом смотришь на белый «пунто»¹ метрах в сорока за фургоном.

---

¹ Недорогая модель марки «Фиат». (Здесь и далее – примечания Г. Царева.)

– Сейчас, погоди! – орешь в ответ.

Подходишь к машине, приседаешь вровень с бампером и начинаешь отмерять на глаз расстояние до фургона.

– Порядок! – опять вопишь. – Давай!

Некоторое время чихает стартер, потом с ревом заводится мотор.

И Мило тотчас включает задний ход: фургон вздрагивает, скрежещет и трогается с места.

– Так держи! – кричишь ему, отходя в сторону. – Так!

Мило смотрит в зеркало заднего вида и до упора вжимает педаль газа, мотор рычит, камешки брызжут о днище машины, фургон набирает скорость, качаясь на неровной земле и поднимая тучу пыли, но движется прямо и с каждым метром все быстрее, пока с оглушительным грохотом не врежется в капот «пунто».

Похоже, все прошло супер.

Подходишь ближе, убеждаешься в этом и кричишь Мило, чтобы он отъехал.

Фургон медленно отъезжает метра на два, останавливается, и в тот же момент со страшным лязгом отваливается бампер «пунто».

Мило выпрыгивает из кабины и оценивает ситуацию: морда машины почти разбита, а бампер цел и невредим, на нем осталась лишь небольшая царапина.

– Черт побери, – сердисься ты, – придется самим постараться.

Мило лезет в фургон и тотчас возвращается с двумя тяжелыми молотками.

Он весело подмигивает тебе, протягивая один из них.

Вы начинаете изо всех сил колотить по бамперу, пока не появляются заметные вмятины.

Под конец Мило пытается открыть большую заднюю дверь, но ее заклинило.

– Прекрасно, – говорит он.

Потом смотрит куда-то вверх. Невольно следуешь за его взглядом: небо над промышленными корпусами похоже на длинный голубой прямоугольник.

Мило достает сигарету и с удовольствием закуривает:

– Итак, подведем итог. За столкновение по меньшей мере три миллиона. Еще один – за повреждение фургона... это уже четыре... Вычти отсюда двести тысяч за аренду «пунто»... И еще миллион – франшиза¹ в оплату нанесенного нами ущерба. Мораль: получим по меньшей мере два с половиной миллиона.

---

¹ Неоплачиваемая часть ущерба – часть убытка, принятого на себя лицом в договоре страхования, в пользу которого проводится страхование.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

В КОТОРОЙ ДЕЙСТВИЕ ПРОИСХОДИТ ГОД СПУСТЯ,
НАЧИНАЕТСЯ БОЛЕЕ БЛИЗКОЕ ЗНАКОМСТВО
С ВИТТОРИО И МИЛО, ИДЕТ РАЗГОВОР
О ЯНЕ ПОТОЦКОМ, ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ,
ЭКСТЕЗИ И МОРСКИХ ЗВЕЗДАХ

– Знаешь, Мило, я сейчас читаю книгу про одного типа по имени Ян Потоцкий, он жил в восемнадцатом веке... или в девятнадцатом... не знаю, в общем, когда-то очень давно...

– Ну и что?

– Да ты послушай.

Тянешься через стойку, собираясь взять соломинку, и едва не слетаешь с барного табурета.

Барменша рассеянно смотрит на тебя, а Мило шутит:

– Слушаю. Разумеется, пока ты в состоянии сохранять равновесие.

Пропускаешь его слова мимо ушей.

– Так вот, этот самый Потоцкий... По-моему, он был поляк...

– Как это – «по-твоему»? Не уверен, когда он жил, – в восемнадцатом веке или в девятнадцатом, не уверен, поляк ли он... В чем ты вообще уверен...

Помешиваешь соломинкой в бокале с пивом.

– Ну да, да... Но суть не в этом... Меня поразила одна вещь.

– Что же?

– Слушай внимательно: однажды этот самый Ян Потоцкий – неизвестно, что ему взбрело в голову, – взял да отломал ручку от крышки серебряной салатницы. Ручка была в виде шара. Слышишь? Массивный такой серебряный шар. Отломал.

Останавливаешься и некоторое время смотришь на Мило, пока он наконец не теряет терпение.

– Ну и дальше что?

– И принялся полировать его, так, иногда, время от времени.

Мило с недоумением смотрит на тебя, потом достает сигарету из твоей пачки, лежащей на стойке:

– Что за идиотская история?

Улыбаешься:

– Совсе не идиотская, а просто невероятная. Слушай дальше. Спустя три года непрерывного шлифования шар сделался совсем маленьким: величиной с пулю. И тогда этот Потоцкий взял свой пистолет – в те времена пистолеты заряжались через дуло, – засыпал в него порох, вложил шар и выстрелил себе в голову.

– И покончил с собой?

– Ну конечно покончил! – восклицаешь ты. – Разве так уж невероятно?

Мило морщится.

– Да представь только, – продолжаешь ты, – целых три года он шлифует его... Три года... Кто знает, как он это делал на самом деле? Может, в плохие дни трудился изо всех сил, а в хорошие вообще не прикасался к этому шару... Не говоря уже о самом поступке, почти артистическом:

ведь, по сути, он выстрелил себе в голову своей собственной скульптурой.

– Ну не знаю, я не нахожу тут ничего особенного, – ворчит Мило.

– А потом, – сразу же прерываешь его, – есть еще одна поразительная деталь: сама по себе идея – спланировать самоубийство за такой длительный срок... В том смысле, что в один прекрасный день он принимает решение сделать это, а стреляет только через три года. Короче, мне кажется...

В баре прибавляется народу.

Мило пожимает плечами, рассеянно оглядывается вокруг и, помолчав немного, замечает:

– Знаешь, Витторио, плевать мне на твоего Потоцко-го. Сейчас меня интересует только одно – мои собственные дела.

О боже, ведь опять начнет все с начала, думаешь ты.

Он читает твои мысли:

– Господи, Витторио, тебе не понять. А ведь это так важно. Я вот думаю порой: если мою жизнь представить в виде одного дня, то пробуждение, ничего не скажешь, было прекрасным, отличный завтрак – почти все, что только можно пожелать, словом, утро в целом прошло очень даже славно. Зато теперь – примерно в обеденное время, мне ведь двадцать семь лет, не так ли? – у меня, наверное, должен быть уютный дом и в нем накрытый стол. Ты спросишь: что у меня есть? А я отвечу: ровным счетом ничего. Ничегошеньки.

О господи, думаешь ты, сейчас опять начнет рассказывать про то, где и кем он только ни трудился, как плохо ему всюду платили, к тому же черным налом, и разве это возможно, чтобы какой-то второразрядный футболист по-

лучал за две недели столько же, сколько он за целый год, о господи, это невыносимо...

Ставишь бокал и притворяешься, будто слушаешь с интересом.

Мило продолжает:

– Я сменил тысячу мест... и всюду платили гроши, к тому же черным налом... И выжимали все соки. А теперь, ну, мыслимо ли, чтобы какой-то никудышный второразрядный футболист, у которого в голове пусто, как в бочке, – стоит послушать хоть одно интервью, – получил бы за пару недель столько же, сколько я за целый год?

Он замолкает, делает большой глоток пива и продолжает:

– Так-то вот! Это же невозможно. Поэтому надо что-то делать. И раз уж я не умею вести мяч, то вынужден делать что-то незаконное... вернее сказать, незаконное с точки зрения закона, но вполне нормальное с точки зрения моей морали.

Оглядываешь посетителей.

Кажется, будто находишься в баре из «Звездных войн»: не хватает только уродцев с синими лицами и носами-хоботами, хотя нет, если присмотреться внимательнее, они тоже тут.

Тебе хотелось бы поговорить с Мило о другом, например, вернуться к мысли о Большой А. или о своих последних переживаниях, связанных с Кристиной, да только она ведь его девушка, какой же тут может быть разговор?

– Господи, Витторио, да ты и не слушаешь меня вообще... – Безутешный, Мило ставит бокал и добавляет: – Ладно, схожу-ка я в туалет.

Рядом с тобой на высоких табуретах у стойки бара сидят две девушки, судя по одежде, какие-нибудь гадалки, они разговаривают, отпивая частыми глотками martinis.

Замечаешь сидящих за соседним столиком: он – вялый, она – задумчивая, болтают с точно такой же парой.

Вернее, говорят только мужчины, а женщины рассматривают свои ногти и вертят кольца на руках.

Вокруг немало молодых итальянцев, похожих на беженцев, и несколько настоящих беженцев, похожих на итальянских пижонов.

Справа от тебя сейчас, наверное, появится Анджолетто и скажет примерно следующее: «Опять прохлаждаешься, ну-ка шевелись, вали домой, да побыстрее, завтра утром разбужу чуть свет и отправляйся искать себе приличную работу», но ощущаешь только присутствие трех своих волшебнo-одухотворенных сущностей, как всегда, немногословных и чрезвычайно убедительных: оставайся там, где ты есть, потому что жизнь – *вот она тут*.

Какой-то парень, видимо, чем-то весьма озабоченный, подходит к гадалкам, и те бросают ему:

– Привет, Доставало!

Улыбаешься, услышав такое прозвище, и с любопытством разглядываешь парня, однако он отвечает таким взглядом, что тотчас поворачиваешься к барменше и заказываешь еще пива.

Мило возвращается на свое место рядом с тобой и сразу же продолжает:

– Вот что я никак не возьму в толк: как же все-таки получилось, что к двадцати семи годам я ничего не сумел добиться? Ни постоянной работы не имею, ни карьеры не сделал, ни ежемесячной зарплаты не получаю... Ничего... Я просто-напросто неудачник, промышляющий разными махинациями...

Это уж слишком.

Немедленно тычешь в него указательным пальцем и с театральным пафосом произносишь:

– «Просто неудачник, промышляющий разными махинациями!» Шекспир, «Король Лир», действие четвертое, сцена первая. – И хохочешь.

Это ваша давняя любимая шутка – когда надо подчеркнуть, что та или иная фраза слишком банальна либо чересчур сильна, вы тут же, нередко в один голос, повторяете ее именно так – словно цитату из «Короля Лира».

Однако на этот раз не вышло.

Мило тоскливо смотрит на тебя и продолжает:

– А виной всему, Витторио, знаешь, что...

Но тут какой-то парень прерывает его, кладя руку на плечо.

Вы оборачиваетесь.

Парнишке лет шестнадцать, не больше.

– Мне сказали, вы сможете помочь, – негромко говорит он.

Мило внимательно оглядывает его, быстро обшаривает взглядом бар и шепчет:

– Что надо, приятель?

Тот медлит, с недоверием глядя на нас, и произносит:

– «Звездная пыль»¹.

Мило берет бокал и пьет нарочито медленно.

Парень начинает нервно потирать себе шею.

– Нет. Мне жаль, приятель, – «звездной пыли» нет, – говорит Мило, ставя наконец бокал.

– Однако сегодня вечером тебе повезло, – тут же добавляешь ты, – у нас есть «лимб коблаца».

Похоже, это не произвело на него особого впечатления.

---

¹ «Звездная пыль» – популярная американская песня и классический джазовый стандарт. Другое название кокаина и крэка.

Он молча смотрит на вас.

– МДМА¹, – едва ли не по слогам, как бы втолковывая, произносит Мило. – Чистый.

Тогда парень решает поинтересоваться:

– Сколько?

Мило смотрит на тебя и отвечает:

– Пятьдесят тысяч.

Парень оборачивается к тебе, словно недоумевая, при чем же здесь ты, и снова обращается к Мило:

– Это почему же? Другие продают по тридцать...

– Приятель, – с готовностью отвечает Мило, – у других это ведь всякие странные таблетки, и никогда не знаешь, что в них за чертовщина, а у нас, – и он хлопывает по карману джинсовой куртки, – маленькие капсулы с этим самым волшебным порошочком, чистый МДМА. Поэтому, если не хочешь болеть и блевать, ложись на меня, уж я-то наверняка сумею впрыснуть твои мозги прямо в рай. А нет, так иди к другому, будешь потом за свои тридцать тысяч обливаться холодным потом и дрожать от страха, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Парень молчит.

Некоторое время внимательно смотрит на Мило, потом так же внимательно на тебя и снова на Мило.

– Ладно, – соглашается, – давай пару.

Короткое пожатие рук – обмен деньгами и капсулами.

– Да, вот еще что, приятель... – говорит Мило, принимая озабоченный вид. – Имей в виду, запивать нужно только водой, и никакого алкоголя, ни даже кока-колы, только водой... Очень советую. И вообще думай, ког-

---

¹ Метилendioксиметамфетамин – психостимулятор группы фенилэтиламина, один из производных амфетамин.

да что-нибудь глотаешь. Кругом столько народу продает смертельно опасные вещи.

Парень пожимает плечами, бросает: «Увидимся» – и исчезает. Явно довольный.

Мило улыбается тебе и заказывает еще бокал пива.

– «Лимб коблаца». И как только ты придумал такое? – удивляется он, качая головой.

– Запросто, – миролюбиво объясняешь ты, – теперь это уже проблема маркетинга и общения, и нам тоже следует принаравливаться. Когда-то эти ребята просто хотели экстази, а теперь стали разборчивыми, теперь им нужны названия: «звездная пыль», «рыба», «супермен», «НЛО»... Короче, эти маленькие капсулы, что лежат у нас в карманах, стоят дороже, если называются как-то по-особенному. Вот и придумываем хитрые названия для нашего товара. Продаем такие, какие хотят они, вот и все. Представляю сейчас этого парнишку: как же он доволен, когда, раскрыв кулак, показывает капсулы приятелю и говорит: «Смотри, а у меня две штуки “лимба коблаца”», и тот восклицает: «Ну ты даешь, блин, ни фига себе...»

Мило хохочет и поднимает бокал:

– Тогда выпьем за «лимб коблаца»! Кстати, а что это такое?

– Ну... Комикс какой-то или что-то вроде... Кто-нибудь, может, и помнит его... – отвечаешь, поднимая бокал.

Барменша хороша, как нежный росток.

Ты не в силах оторвать взгляд от ее точеной, изящной, необычайно белой шеи, потом скользишь взглядом по потолку, усыпанному морскими звездами из красного пластика.

Мило говорит, что у барменши чудесная шея, красивая и такая белая...

Где-то в этом мире кто-то выкладывает пять тысяч долларов за стеклянную фигурку какого-нибудь животного.

Где-то в этом мире кто-то заботливо помогает вымыться старику, который уже не может сделать это сам.

Где-то в этом мире есть даже кто-то, кто читает то, что ты пишешь.

Разве не поразительно, как искриста и чудесна жизнь, что тикает секунда за секундой?

Проталкиваешься сквозь толпу к мужскому туалету и, с радостью обнаружив, что там никого нет, открываешь кран, подставляешь лицо под струю.

Стоишь так довольнo долго, пока не чувствуешь, что намочла рубашка, снимаешь ее и включаешь электросушилку.

И только тут, мельком взглянув на себя в зеркало, замечаешь на плече возле ключицы странное красное пятнышко – размером с зернышко кориандра.

Не придаешь этому никакого значения, одеваешься и возвращаешься в бар.

Едва влезает на свой табурет, как Мило снова заказывает пиво и продолжает свои рассуждения.

Минут пятнадцать молча слушаешь его, посматривая вокруг и поигрывая соломинкой.

И в то же время старательно доводишь себя до той безошибочно выверенной стадии опьянения, когда тебя начинают переполнять радость и восторг от миллиардогранной красоты мира.

Мило, уже весьма подвыпивший, закуривает и продолжает:

– По сути дела, в нашем положении виновато наше общество, согласен?

– Нет, не думаю, – возражаешь ты.

Мило окидывает тебя таким взглядом, словно ты оскорбил его, и настаивает:

– А я все равно считаю, что виновато общество!

Смотришь на часы: двадцать минут первого.

И ощущаешь непреодолимое желание поставить наконец точку:

– Хватит, Мило, прошу тебя. Мне надоели все эти разговоры об ответственности общества. Я уже столько наслушался их... И все от одних и тех же типов – от не очень молодых людей, в кармане у которых всегда найдется культовая книжка – скорее всего, какого-нибудь исландца-негра¹, – от тех, как правило, кто ходит на концерты чудовищной музыки, имеет пятнадцать тысяч CD, обедает в модных ресторанах, живет в роскошном доме... Короче, от тех, блин, кто ни черта не делает целыми днями, но в любую минуту готов объяснить нам, что убивает нас именно общество. Хочешь знать правду? Так вот: у этого общества дерьмовые цели, поэтому подобных типов не становится меньше, наоборот, они процветают как никогда.

Мило смеется.

– Но это же элементарно, – разводишь руками, – виноваты отдельные люди... – и умолкаешь, чтобы глотнуть пива.

Теперь вы оба полупьяные. И совершенно не представляете, что будет дальше.

– Ну, давай, давай, – подзадоривает тебя Мило.

---

¹ Очевидно, имеются в виду датский писатель Питер Хег (р. 1957), автор нашумевшего романа «Смилла и ее чувство снега» (1992), главная героиня которого родом из Исландии, и Амос Тутуола (1920–1997) – популярный англоязычный нигерийский писатель.

– Пример, – продолжаешь ты, – просто так, для начала – это наши родители, которые заставили нас изучать кучу глупостей, а не осваивать какое-нибудь полезное дело... типа, ну, я не знаю... Молекулярную биологию, к примеру, или искусство диджея... Мало того, они позволили нам поступить на совершенно бесполезный факультет, вместо того чтобы приобрести важную и доходную специальность, это могла быть, к примеру, отоларингология или программирование, либо торговля оружием. И что же, если следовать твоей логике, выходит, в том, что у нас в карманах всегда пусто, виновато общество?

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА